

Поступила в редакцию: 24.02.2026. Принята к публикации: 07.05.2026.

DOI: 10.18572/2572-2072-4160-2026-2-27-29

УДК 34.03

ББК 67.3(5)5

Наркоситуация в северо-восточных провинциях Китая (Маньчжурия) в начале XX века

Рогалев Александр Андреевич,

преподаватель кафедры истории государства и права Московского ордена

Почета университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

alex.rogalev2017@yandex.ru

Цель: на основе архивных данных осветить различные аспекты состояния наркоситуации в северо-восточных провинциях Китая в начале XX в.; рассмотреть исторические аспекты деятельности русской полиции в городе Харбине в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

Методы исследования: в статье использовался диалектический метод познания, а также анализ и синтез обобщения эмпирического материала.

Выводы: ограниченный суверенитет Китая — наличие селтльментов и концессий в северо-восточных провинциях, коррупционность служащих низового уровня на фоне существования развитой культуры курения опиума для рекреационных целей стало причиной стремительного роста числа потребителей запрещенных веществ, создающего масштабную угрозу здоровью населения и общественной безопасности.

Научная и практическая значимость: в научный оборот вводятся новые архивные источники из фондов Архива внешней политики Российской империи, дополняющих историко-правовую науку новыми данными о состоянии наркоситуации в Китае в начале XX в.

Ключевые слова: опиум, морфий, контрабанда наркотиков, торговля наркотиками, опиокурение, Маньчжурия, китайская полиция, КВЖД, русская полиция, Харбин, Гирин, японцы.

В 1905 г. власти Цинской империи приступают к реализации государственной программы контроля за оборотом опиума, которая была рассчитана на поэтапное осуществление в течении десяти лет¹. В результате китайские тайные общества, занятые в незаконном обороте опиума, были вынуждены перенести посев и культивирование опиумного мака в приграничные районы русского Дальнего Востока, откуда опиум стал контрабандным способом поступать на китайский рынок.

В 1909 г. проблема потребления и распространения опиума была признана трансграничной и требовала международного сотрудничества, что было реализовано путем организации деятельности международной опиумной комиссии в Шанхае, с участием представителей тринадцати государств, в числе которых были: Китай, Россия и Япония². В 1912 г., по результатам ее работы, было подписано первое международное соглашение о контроле за оборотом наркотиков (морфина, кокаина и их производных) — Международная опиумная конвенция³.

С учетом этой конвенции в июне 1915 г. императорским указом «О мерах борьбы с опиокурением» был введен запрет на посев мака на территории двух территориальных образований Российской империи: Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства⁴.

Тем не менее в своем секретном послании в Чжэн-штан (Сенат) губернатор Гиринской провинции, говоря о причинах продолжения посевов и продажи опиума в провинции, отмечал, что наркотическое вещество контрабандой доставляется с русской территории японскими и русскими подданными для реализации на территории провинции, так как администрация Приморской области Российской империи не принимает должных мер по контролю за посевом опиума. Контрабанда собранного наркотического средства через государственную границу осуществлялась служащими Китайской Восточной железной дороги (далее — КВЖД) и речных судов (пароходов), конечной точкой которой являлся г. Харбин. Способствовало этому отсутствие у китайской полиции полномочий на производство досмотра русских железнодорожных вагонов и речных судов и на производство расследования в полосе отчуждения КВЖД⁵.

По информации, полученной от командира 3-го батальона 1-го пехотного полка 3-й бригады Гуань Дэ-шань и И-ланьского Даония (глава гражданской администрации), следовало, что контрабанда наркотического вещества речным транспортом осуществлялась с открытием речной навигации на пароходах, курсирующих между городами Хабаровск и Харбин. Служащие пароходов с целью сокрытия наркотического средства от таможенного контроля оборудовали тайники в кочегарных помещениях, угольных ямах и железных ящиках, привязанных к конструктивным

¹ Об этом, напр., см.: Федоров А.В., Шербаков А.Д. Нам пишут из Пекина: из истории борьбы с незаконным оборотом наркотиков // Наркоконтроль. 2021. № 1. С. 39–48.

² Федоров А.В. К столетию Шанхайской опиумной комиссии 1909 г. // Наркоконтроль. 2008. № 4. С. 38–39.

³ Федоров А.В., Федулов А.В. Первая международная Конвенция о контроле над наркотиками // Наркоконтроль. 2007. № 4. С. 37–38.

⁴ Особый журнал совета министров. 22 мая 1915 г. О мерах борьбы с опиокурением // РГИА Ф. 1276. Оп. 20. Д. 89. Л. 161–163; Ф. 1276.

Оп. 11. Д. 1078. СУ. 17 июня 1915 г. Отд. I. Ст. 1291 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/3203-osobyi-zhurnal-soveta-ministrov-22-maya-1915-go-merah-borby-s-opiekurenem> (дата обращения: 05.02.2026).

⁵ Секретное донесение Императорского русского консульства в Гирине в Российскую императорскую миссию в Пекине от 24 января 1917 г. // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 23–24.

элементам днища пароходов, предварительно упаковав опиум в промасленную бумагу. Заказчиками опиума являлись китайцы, проживающие на 3-й, 6-й и 7-й станциях КВЖД. Также в качестве перевозчиков опиума выступали офицеры Русской императорской армии, поскольку их, в отличие от остальных русских подданных, не имели право досматривать служащие китайской таможни⁶.

Комиссар по иностранным делам Гиринской провинции сообщал Гиринскому губернатору в секретном донесении, что в уезде Бао-цин, в местностях Да-чи-гань, Чан-линь-цзы, Жао-хэ, Жао-ли-гоу, Ху-лин, Ма-ань-шань, и Гу-дуй-линь-цзы, Му-линь, Чи-чжань, Па-чжань (7-я и 8-я станции КВЖД) и уезде Гоу-лин посеян опиумный мак. Размер посевных площадей достигал несколько тысяч шан⁷. В районе 7-й и 8-й станций посев произведен на участках, расположенных в полосе отчуждения КВЖД, на остальных — на китайской территории⁸. В секретном донесении, но уже от начальника уезда Дунин Гиринскому губернатору сообщалось, что в районе 5-й и 6-й станций КВЖД засеяно опиумным маком более 3 000 шан земли, культивированием которого занималось более 10 000 китайцев. Все это усложнялось тем, что юрисдикция китайской полиции не распространялась на территорию полосы отчуждения КВЖД⁹.

Из следующего донесения от указанного уездного чиновника следовало, что в районах 5-й и 6-й русских станций, несмотря на введение русской администрацией запрета на продажу и курение опиума, служащие русской полиции низового уровня, получая взятки от китайцев-владельцев опиокурлен, заранее оповещали их о производстве проверок их незаконной деятельности. Высшее полицейское руководство, располагая информацией о сложившейся ситуации, проявляло преступное попустительство¹⁰.

Из проведенного чиновником расследования по опиумному вопросу в уездах Бин-цин, А-чэн и Бин-сян в г. Юй-Хэ стало известно, что в г. Харбине совершалась свободная продажа и покупка опиума. Запрещенное вещество попадало в город железнодорожным путем из районов 4-й и 5-й станции КВЖД, перевозку осуществляли русские чиновники. В местности Сан-ши-лю-пэн (рядом с железнодорожными техническими мастерскими) открылось много опиокурительных домов. Должностные лица русской полиции, получая взятки от владельцев этих домов, не исполняли своих должностных обязанностей, связанных с борьбой с опиокурением¹¹.

Наделение русской полиции в полосе отчуждения КВЖД функцией борьбы с опиокурением изначально считалось не нужной и обременительной, поскольку культура

курения опиума была традиционно развита только среди китайского населения. В связи с чем полицией неоднократно возбуждались ходатайства в вышестоящие инстанции о снятии с нее этой функции.

Окончательное осознание опасности опиумной угрозы для русских интересов было связано с эпидемиями чумы в г. Харбине (1910), поскольку очагами распространения заболевания были опиокурительни, посетители которых были представлены маргинальными слоями китайского общества г. Харбина и его китайского пригорода Фудяня. Задержание опиокурительщиков и содержателей опиокурительных домов с последующей их высылкой за пределы города стало основой полицейской борьбы с эпидемией, что наряду с другими мерами способствовало быстрому прототвращению распространения болезни в г. Харбине. Сформировавшееся мнение, что существование опиокурительных домов является одним из главных факторов возникновения угроз эпидемий, обосновало программу неуклонного преследования как опиокурительщиков, так и содержателей притонов опиокурения и последующей их передаче для назначения наказания в цзяо-шэ-цзюй (китайские смешанные суды). Однако активные действия русской полиции по борьбе с опиокурением не смогли достичь снижения количества опиокурительных домов, а привели лишь к падению качества изготавливаемых опиумных трубок¹².

Появление нового наркотического вещества — морфина значительно усложнило работу русской полиции, поскольку его употребление предполагало внутривенное введение, которое возможно было осуществлять в любом месте, т.е. не требовало оборудования специальных помещений. Более высокий коэффициент токсичности нового наркотика приводил к росту смертности среди его потребителей (в среднем потребитель жил около года). Полиция была вынуждена заниматься сбором, вывозом и последующим захоронением трупов «морфинистов». Еще одним препятствием в борьбе с распространением морфина было действовавшее законодательство, поскольку оно регулировало только оборот опиума в полосе отчуждения КВЖД и не могло подвергаться расширенному толкованию. Все это привело к резкому росту распространения морфина и увеличению роста криминальной обстановки как в г. Харбине, так и в других поселках, расположенных в полосе отчуждения КВЖД.

Сложившаяся ситуация требовала радикального пересмотра деятельности русской полиции по борьбе с распространением наркотиков. Данные преобразования были обозначены в докладе санитарного врача г. Харбина барона Будберга, который предложил отойти от неэффективной практики борьбы с потребителями наркотиков и мелкими наркоторговцами, сконцентрировав все силы полиции на борьбу с организаторами и крупными поставщиками наркотических веществ. В последующем заданный им вектор борьбы с распространением наркотиков был реализован на практике и был связан с пресечением деятельности торговли опиумом и морфином крупных торговых русских фирм: Гольдберг, Веленский, Делятицкий и др.¹³

⁶ Разведка. Российское консульство в Гирине за май месяц 1917 года, за № 6 // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 156–157.

⁷ Шань, также известная как «шан» — традиционная китайская единица измерения площади земли, особенно используемая на Северо-Востоке Китая. В зависимости от региона, 1 шань обычно равен 100 «му», что составляет примерно 6,67 га (66 700 м²).

⁸ Разведка. Российское консульство в Гирине от 15 марта 1917 г. за № 3 // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 85.

⁹ Разведка. Российское консульство в Гирине за май месяц 1917 г. за № 6 // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 158.

¹⁰ Разведка. Российское консульство в Гирине за время с 15 сентября по 21 октября 1917 г. // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 224.

¹¹ Разведка. Российское консульство в Гирине за время от 1 июля по 13 августа 1917 г. № 8; Разведка. Российское консульство в Гирине за время с 15 сентября по 21 октября 1917 г. // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 204.

¹² Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги: 1896–1923 гг. [Том I] / По поручению Правления О-ва и под редакцией Специальной Комиссии составил Агент Правления О-ва Е.Х. Нилус. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги и Товарищества «Озо», 1923. С. 545–547.

¹³ Там же. С. 547–548.

Второй канал контрабанды наркотиков в Северную Маньчжурию был связан с деятельностью японских подданных. По Южно-Маньчжурской ветке КВЖД опиум и морфин из Чанчуня (японская концессия) и Дальнего доставлялся японцами в г. Гирин¹⁴. Так, полицейское управление г. Гирин сообщало Цзюяо-шэ-шу (Управлению по иностранным делам Гиринской провинции) о том, что японский подданный Чан-тай-и-сан-лан и другие японцы осуществляли сбыт морфина и опиума, который доставляли из Чанчуня японским фирмам и ломбардам, расположенным в населенных пунктах Ин-чэн-цзы, Цзю-чжан и Гирине, которые, в свою очередь, осуществляли сбыт приобретенных ими наркотических веществ китайцам¹⁵.

Как и в отношении русских подданных, китайская полиция не имела права производить досмотр японских подданных и изымать запрещенные к гражданскому обороту вещества. Обращение же китайских должностных лиц к японскому консулу о принятии мер японской стороны к прекращению противоправных действий их подданных оставались без ответа. В качестве примера можно привести содержание донесения начальника Гиринского уезда Гиринскому губернатору, в котором он сообщает, что по информации, полученной от пристава сельской полиции на станции Инь-чэн-цзы Гиринско-Чанчунской железной

дороги японские ломбарды, находящиеся на станции, продолжают торговать опиумом и морфином. Об этом неоднократно докладывалось губернатору, сообщалось об этом японскому консулу, который обязался принять меры. Однако японские ломбарды продолжали торговать опиумом и морфином¹⁶.

Таким образом, наркоситуация в северо-восточных провинциях Китая носила сложный характер, который обуславливался следующими факторами:

1) наличие в китайском социуме развитой и глубоко укоренившейся культуры курения опиума;

2) ограниченный суверенитет китайского государства, выраженный в существовании на его территории селтлментов и концессии, на которые не распространялась юрисдикция китайских правоохранительных органов, чем активно пользовались наркоторговцы;

3) отсутствие в связи с началом Первой мировой войны условий для исполнения на территории Китая российской и японской сторонами международного соглашения о контроле за оборотом наркотиков — Международной опиумной конвенции 1912 г.;

4) запоздалое издание в Российской империи указа «О мерах борьбы с опиокурением» (1915) и сбой в его исполнении на местах;

5) коррумпированность служащих низового уровня полосы отчуждения КВЖД и Приамурского генерал-губернаторства.

¹⁴ Секретное донесение Императорского российского консульства в Гирине в Российскую императорскую миссию в Пекине от 24 января 1917 г. // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 24.

¹⁵ Разведка. Российское Императорское консульство в Гирине за № 2 от 15 февраля 1917 г. // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 54–56.

¹⁶ Разведка Российского консульства в Гирине от 8 апреля 1917 г. за № 4 // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 106–107.

Литература

1. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги: 1896–1923 гг. Т. 1 / составил Е.Х. Нилус. Харбин : Типография Китайской Восточной железной дороги и Товарищества «Озо», 1923. 690 с.
2. Разведка. Российское Императорское консульство в Гирине за № 2 от 15 февраля 1917 г. // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 38–58.
3. Федоров А.В. К столетию Шанхайской опиумной комиссии 1909 г. / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2008. № 4. С. 38–40.
4. Федоров А.В. Нам пишут из Пекина: из истории борьбы с незаконным оборотом наркотиков / А.В. Федоров, Щербаков А.Д. // Наркоконтроль. 2021. № 1. С. 39–48. DOI: 10.18572/2072-4160-2021-1-39-48
5. Федоров А.В. Первая международная Конвенция о контроле над наркотиками / А.В. Федоров, А.В. Федулов // Наркоконтроль. 2007. № 4. С. 37–44.

Приглашаем к сотрудничеству по тематическим номерам!

Издательская группа «Юрист» успешно взаимодействует с ведущими вузами различных городов России по изданию тематических номеров, посвященных важным событиям и датам в профессиональной деятельности выдающихся ученых, вузов, факультетов, кафедр.

Если вы желаете издать тематический номер, включающий статьи профессорско-преподавательского состава вашей кафедры, факультета, вуза пишите нам на адрес: avtor@lawinfo.ru и мы будем рады сотрудничеству!